Глава 1: Эпитафия прикованного к постели (часть первая).

Глава 1: Эпитафия прикованного к постели (часть первая).

Палата 27 была единственной комнатой в больнице, которая нравилась медсестрам и даже пациентам. Это была симпатия не к пациенту внутри палаты, а к тому, что исходило из нее. Можно подумать, что любой звук, нарушающий напряженную и почти святую тишину в больнице запрещен - так оно и было. За исключением палаты 27. Пациенты и медсестры, проходившие там, не обращали внимания на музыку.

Некоторые даже останавливались перед ней на пару секунд, закрывая глаза.

Медсестры подходили, чтобы перевести дух, пока пациенты мечтали о лучших днях.

Несмотря на это, никто из тех, кто подходил к палате 27, не просил остановить музыку.

Да и зачем?

В палате интенсивной терапии было нормальным слышать крики, плач и беготню врачей. Поэтому слушать музыку, как бы меланхолично она ни звучала, было свежим воздухом, который успокаивала всех.

При этих звуках в палату вошла медсестра, набравшаяся смелости. Медсестра открыла дверь очень медленно, стараясь не заставить человека, играющего на пианино, остановиться.

В палате находился прикованный к постели молодой человек. Слова "уродливый" и "красивый" не входили в его описание. Этим словам не было места при взгляде на худого бледного человека. Слова "жалость" было первым, который стоял перед ним.

Парень медленно нажимал на белые и черные клавиши почти с закрытыми глазами, будто шепча, водя пальцем по длинной клавиатуре.

Острые глаза медсестры отметили, что пациент тратит много сил, чтобы нажимать на клавиши.

Не то чтобы она была удивлена. Она работала в этой больнице последние 9 лет. Если и был пациент, которого она знала, то это был пациент из палаты 27.

Им даже не нужно было заходить в палату, чтобы понять, как он себя чувствует.

Музыка, которую он играл, была всем необходимым доказательством. Эта же

музыка заставила ее оказаться здесь. Но на этот раз звук звучал по-другому. Она

медленной и мрачной. Более мрачной, чем любая другая песня, которую она когда-либо слышала. Это был такой звук, который заставляет вас погрузиться в печаль.

Музыка остановилась.

Услышав голос, остановивший его музыку, он на секунду вздрогнул, только чтобы сделать

глубоко вздохнуть и посмотреть вверх.

Перед ним стояла светловолосая медсестра. Он не знал, как обозначить ее, что

что часто обижало медсестру. Но если быть честным, он не хотел, чтобы кто-то был

его другом. Не тогда, когда он мог умереть в любой момент. Тем не менее, медсестра приходила каждый день, чтобы поговорить с ним и послушать его музыку. Он был благодарен ей за это. Даже если он знал, что его используют как своего рода словесный дневник - ему это нравилось, это помогало ему чувствовать себя не таким уж оторванным от окружающего мира.

"Я умираю".

Медсестра посмотрела на него презрительным взглядом: "Вы говорите это в течение последнего месяца. Прекратите! Вам нужно смотреть в будущее с надеждой!"

Услышав это, он слегка усмехнулся. Он сомневался, что даже медсестра верила своим же словам. Не успели они продолжить разговор, как дверь палаты быстро распахнулась, за ней раздался веселый голос: "Си, твой лучший и единственный друг здесь!".

Услышав свое прозвище, он снова вздрогнул.

Это был не тот голос, который он хотел услышать сейчас.

"Рокси, что ты здесь делаешь?"

Девушка остановилась с сердитым взглядом и заорала на него: "Ты ублюдок! Что это за

депрессивная песня, которую ты все время играешь?! Доктор снова вызвал меня с работы!"

Рокси теперь стояла перед ним и смотрела прямо ему в глаза.

Он заметил, что на секунду ее взгляд перешел на его дрожащие руки. Она хотела

спросить, как дела. Но она была полностью на своем фасаде. Не то чтобы он винил ее. Вести себя

так перед ним, было ее способом справиться с ситуацией.

Обычно он тоже следил за дракой. Небольшой способ заставить ее чувствовать себя лучше.

Но сегодня у него не было сил.

Нетерпеливая Рокси снова спросила: "Что там с песней? Ты хочешь

умереть так сильно?"

Услышав это, он усмехнулся: она не слышала песню. Но она знает его больше

чем все остальные, поэтому она пришла к своему выводу.

Худший? Возможно, она была права.

Зная, что Рокси собирается остаться, он начал думать, что ей сказать.

С одной сороны он хотел сказать ей, что он просто сочиняет песню и заставить

ее поскорее уйти. Но с другой стороны он хотел, что если он собирается

умереть, то она была бы здесь.

Он посмотрел в ее ярко-голубые глаза, полные беспокойства, что заставило его снова усомниться в том, что он собирается спросить. Тем не менее, он знал, что если он не спросит, она действительно возненавидит его.

"В день моей смерти ты хочешь остаться или уйти?"

Увидев, что Си смотрит прямо ей в глаза, Рокси вздрогнула. Любой притворный гнев, который был у нее в ней исчезла, и вместо нее осталась уязвимая 21-летняя девушка.

Он продолжал молча смотреть на нее, пока она не начала говорить низким шепотом,

"Пожалуйста, нет. У меня сегодня были хорошие новости".

Услышав это, он снова вздрогнул. Ему хотелось ненавидеть себя, назвать себя

ублюдком. Но, в конце концов, болезнь не была его виной, и он достаточно уважал Рокси.

достаточно, чтобы не жалеть себя. Для этого уже было достаточно врачей и медсестер.

Услышав тишину, Рокси разрыдалась: "Когда?".

"Сегодня? Завтра? Я чувствую это... я умираю".

Некоторое время они молча смотрели друг на друга. Как всегда, она нарушила его

схватив стул и сев рядом с ним.

"Это то, что ты играешь? Звуки смерти?"

Услышав это, он усмехнулся. У него не было ответа на этот вопрос. Прошел целый

месяц с тех пор, как ему постоянно снилась темная комната.

Его не пугала темнота. Нет, пугала тишина.

Он не мог вспомнить ни одного случая в своей жизни, когда бы он ничего не слушал.

Другие пациенты, которые были такими же, как он, пленниками своих тел, возможно, любили тишину. Но не такие, как он, с идеальной дикцией.

Эта безмолвная темная комната была почти кошмарной.С тех пор как он впервые оказался в этой комнате, он старался услышать хоть что-нибудь. Может быть услышав что-нибудь, он смог бы наконец придать некое подобие человечности этой темной комнате.Так же, как он делал это с самого детства.

Услышать звук, а затем сравнить его с другими звуками - это была игра, которую он начал играть с пяти лет. Когда ему было пять лет он не знал, что такое музыкальные ноты.

Поэтому единственное, что он мог делать, - это группировать предметы, издающие одинаковый "звук".

Только в восемь лет он понял, что эти группы и есть ноты.

После этого он умолял купить ему пианино. У его семьи не было на это денег, но

видя его настойчивость, они купили ему мелодику. С тех пор - как

как Артур с Экскалибуром, он везде ходил со своим инструментом.

Но эта комната была другой и не любила, когда ее ставили в группу.

С тех пор прошел месяц. Он прогрессировал с каждым днем и чувствовал, что

что его песня все больше и больше напоминает ту темную комнату. Проблема была в том, что чем

ближе он подходил к ней, тем слабее становилось его тело.

Именно сегодня он решил закончить песню, но по какой-то причине он также

знал, что сегодняшний день станет для него последним.

Его мысли прервало теплое и шершавое прикосновение руки его лучшего лучшей подруги. Посмотрев на нее, он кивнул. "Думаю, да".

"Не играй!"

"Я не могу...

"Ты действительно собираешься умереть сегодня?"

Он снова посмотрел на нее, ее брови были нахмурены, а губы сжаты в

странным уродливым образом. Такое уродство, которое нужно иметь, чтобы не плакать.

Услышав тишину, он кивнул в ответ.

В тот момент, когда он кивнул головой, он ждал крика, вопля или, может быть.

избиения. Но ничего не произошло. Теплое прикосновение ее руки оставило его. Рокси

выбежала из палаты, оставив его наедине с медсестрой.

Увидев пустой стул, он закрыл глаза и снова начал играть.

http://tl.rulate.ru/book/71663/1920193